Вовлеченная антропология: разнообразие и дилеммы

СЕТА ЛОУ[1]

✉ SLOW@GC.CUNY.EDU

[1]Высшая школа Городского университета Нью-Йорка, Нью-Йорк, США

САЛЛИ ЭНГЛ МЕРРИ[1]

✉ SALLY.MERRY@NYU.EDU

[1]Колледж Искусств и наук Университета Нью-Йорка, Нью-Йорк, США

Перевод и комментарии Александра Ерохина

Для цитирования статьи:
Лоу, С., Мерри, С. (Авторы), Ерохин, А. В. (Пер.). (2019). Вовлеченная антропология: разнообразие и дилеммы. *Фольклор и антропология города, II*(3–4), 16–48. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-16-48.

Статья Сеты Лоу и Салли Энгл Мерри является предисловием и одновременно развернутым комментарием к сборнику материалов по итогам семинара «Антрополог как социальный критик: развивая вовлеченную антропологию», проведенного 22–25 января 2008 года под эгидой Фонда антропологических исследований Веннера-Грена. Статья опубликована в журнале «Актуальная антропология» (*Current Anthropology, 51*(S2), S203–S226). Авторы данной работы, представляя сборник статей по итогам семинара, одновременно обсуждают формы вовлеченной антропологии в США, ее историю и ее сохраняющиеся противоречия.

Engaged anthropology: Diversity and dilemmas

Setha M. Low[1]

✉ SLOW@GC.CUNY.EDU

[1]The Graduate Center, City University of New York, New York, USA

Sally Engle Merry[1]

✉ SALLY.MERRY@NYU.EDU

[1]New York University College of Arts and Sciences, New York, USA

Tr. and comm. by Aleksandr Erokhin

To cite this article:
Low, S. M., Merry, S. E. (Authors), Erokhin, A. (Trans.). (2019). Engaged anthropology: Diversity and dilemmas. *Urban Folklore & Anthropology, II*(3–4), 16–48. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-16-48.

The translated paper by Seta Low and Sally Merry is both a foreword and a detailed commentary on the proceedings of the Wenner-Gren workshop "The anthropologist as social critic: Working toward a more engaged anthropology" (January 22–25, 2008). The article was published in *Current Anthropology*, *51*(suppl. 2), S203–226. To introduce the collection of articles in the follow-up to the workshop the authors discuss forms of engaged anthropology, its history, and its ongoing dilemmas.

На важность развития вовлеченной антропологии, затрагивающей значимые для общества темы [Lamphere 2004, Rappaport 1993], указывают многочисленные статьи и книги, написанные с целью вывести принцип участия на авансцену этой науки [Bennett 1966, Checker 2009, Eriksen 2006, Forman 1993, Hale 2006, Lamphere 2004, Patterson 2001, February 27, Rappaport 1993, Rylko-Bauer, Singer, van Willigen 2006, Sanford, Angel-Ajani 2006, Sanjek 2004, Schensul, Schensul 1978, Smith 1999]. Часть авторов считает, что антропология с самого начала была вовлеченной, поскольку антропологическое знание разрабатывалось для решения человеческих проблем, равно как и проблем управления колониями [Bennett 1996, Rylko-Bauer, Singer, van Willigen 2006]. Другие же рассматривают вовлеченность как политически ангажированную критическую точку зрения, процветавшую с 1930-х по 1970-е годы и фокусировавшуюся на социальном неравенстве и политэкономической критике [Berreman 1968, Patterson 2001, February 27, Roseberry 2002, Silverman 2007]. Призыв к вовлеченности привлек самых разных антропологов — от тех, кто утверждает, что для выстраивания постколониальных отношений со своим субъектом антропология требует переосмысления своих методов и способов письма, до тех, кто твердо намерен отыскать неимпериалистическую политическую позицию, и тех, кто трудится, чтобы сформировать новый способ работы с локальными сообществами — совместно, а не иерархически. Все эти формы вовлеченности складываются в богатое разнообразие способов антропологической работы в публичной сфере.

В настоящей статье мы стремимся дать обзор вовлеченной антропологии в целом, включая ее основные методы и историческое развитие. Учитывая ее стремительный расцвет в последние два десятилетия, а также устойчивый интерес в истории антропологии к такой работе, невозможно отдать должное всей этой области. Называя отдельных ученых или отдельные исследовательские практики, мы рискуем пропустить других, занимающихся не менее важной работой. И все же мы считаем ценной попытку отследить, с чего начиналась вовлеченная антропология и что она представляет собой сейчас. Мы забросили самый широкий невод — но, несмотря на это, были, конечно, весьма ограничены. Другие организовали бы и классифицировали поле иначе. Мы, конечно, не расставляем точки над і касательно этой науки, но, тем не менее, наша работа рассчитана на то, чтобы начать дискуссию о вовлеченной антропологии, продемонстрировать ее широту и разнообразие. Мы касаемся только социальной, культурной и, до некоторой степени, практической антропологии. Существуют и другие значимые формы вовлеченности, к примеру, судебно-медицинская антропология в рамках биологической антропологии, многие виды археологической работы, в том числе

проблема возвращения культурных ценностей; а также попытки справиться с исчезновением языков в лингвистической антропологии. Эти вопросы находятся за рамками нашей статьи и грядущего сборника очерков[1]. Хотя входящие в него статьи и стараются охватить различные национальные традиции, последних куда больше, чем мы сумели в него включить. Мы стремимся классифицировать и систематизировать вовлеченную антропологию прежде всего для того, чтобы привлечь к ней — к максимальному числу ее форм и практик, со всеми проблемами и противоречиями — более широкое внимание.

Давняя для американской антропологии традиция разговора о важнейших проблемах современного общества — каноническими примерами тут будут Маргарет Мид, Рут Бенедикт и Франц Боас — до сих пор находит свое отражение в работе антропологов. Сегодня они трудятся в областях, имеющих решающее значение для актуальных общественных диспутов, от природы научного знания и коммуникации до способов, которыми мировые экономические и политические силы уничтожают образ жизни лесных народов и селян. Антропологи исследуют «по верхам», глобально, изучают главные общественные институты — право, медицину, городское планирование и образование. В этих сферах уникальным вкладом антропологии является ее особая точка зрения — ее внимание к микросоциальной ситуации, создаваемой макроэкономическими и политическими силами; изучение того, как социальные ситуации приобретают значение через дискурс, символы и язык; анализ включенности малых территорий в более крупные структуры власти. По контрасту с усиливающейся тенденцией к пониманию поведения в широком, сравнительном и статистическом смысле, антропология настаивает на важности контекста, истории и частностей. Личная причина нашего интереса к вовлеченной антропологии состоит в нашей приверженности к антропологической практике, уважающей достоинство и права каждого человека и оказывающей благотворное воздействие на продвижение социальной справедливости.

Антропология как дисциплина прибегает к различным способам вовлечения общественности в решение социальных проблем. В число этих способов входят: 1) помещение антропологии в центр процесса разработки публичной политики; 2) сближение университетской антропологии с более широким миром социальных проблем; 3) привлечение внимания

[1] В своей аннотации к сборнику Лоу и Мерри пишут, в частности, следующее: «В последние годы по мере того, как антропология становилась все более социально ангажирована, ее публичная узнаваемость как научной дисциплины повысилась. Хотя призыв к вовлеченности и вызвал повсеместный отклик во всех отраслях антропологии, настоящий специальный выпуск сосредоточен на вовлеченной антропологии и тех дилеммах, которые она ставит перед культурной и прикладной антропологией в США. В рамках данной области авторы выделяют несколько форм вовлеченности: 1) предоставление ресурсов и поддержка; 2) преподавание и общественное образование; 3) социальная критика; 4) сотрудничество; 5) правовая защита и 6) активизм. Авторы демонстрируют, что вовлечение осуществляется во время полевой работы; посредством прикладной практики; в институтах, подобных "Культурному выживанию", Институту исследований общин и Совету по здравоохранению испаноязычной диаспоры; а также в ходе работы отдельных активистов в ситуациях войны, террора, нарушения экологических прав человека, насилия и нарушения прав человека. Подробный анализ истории вовлеченной антропологии в США также обнаруживает ряд противоречий, многие из которых продолжают воздействовать на современную антропологическую практику». *Прим. пер.*

средств массовой информации к антропологическому знанию; 4) переход антропологов в ряды активистов, озабоченных насилием и социальными переменами, свидетелями которых они становятся; 5) обеспечение доступа членов сообществ к производству знания и к власти; 6) предоставление эмпирических подходов к социальным оценкам и этичной практике; 7) установление связи между антропологической теорией и практикой для выработки новых решений. Все эти инициативы важны для поддержания присутствия дисциплины в публичном пространстве. Недавняя статья Мелиссы Чекер [Checker 2009] предлагает краткий обзор глобальных проблем, к которым обращаются антропологи в области: 1) войны и мира; 2) изменений климата; 3) восстановления после различных катастроф — природных, техногенных и вызванных освоением территорий; 4) прав человека; 5) диспропорции в здравоохранении; 6) межрасового взаимопонимания, расовой политики и расового равенства в США. Она утверждает, что антропология находится на пороге новой эры, в которой антропологический опыт, активизм, теория и практика будут широко и свободно распространяться посредством новых технологий, а также новостных СМИ, журнальных публикаций и отчетов, спонсируемых различными учреждениями. Авторы в долгу перед ней за проведенный обзор антропологической вовлеченности и отмечают, что публикация ее статьи в журнале «Американский антрополог» свидетельствует о том, что вовлеченная антропология как наука вступила в стадию зрелости.

Мы сосредоточены на значительном прогрессе, достигнутом в привлечении внимания общественности к вовлеченной антропологии как к дисциплине в рамках культурной и практической антропологии в США. Ясно, что призыв к участию рассматривается во всех субполях и в глобальном контексте, но эти области выходят за рамки данной статьи. В рамках нашей более ясно очерченной сферы мы утверждаем, что существует целый ряд форм вовлеченности: 1) предоставление ресурсов и поддержка; 2) преподавание и публичное образование; 3) социальная критика; 4) сотрудничество; 5) правовая защита; 6) активизм. Это вовлечение осуществляется во время полевой работы; посредством прикладной практики в организациях, подобных «Культурному выживанию»[2], Институту исследований общин[3] и Совету по здравоохранению испаноязычной диаспоры[4]; а также благодаря работе отдельных активистов в ситуациях войны, террора, нарушения экологических прав человека, насилия и несоблюдения прав человека [Hale 2006, Kirsch 2002, Sanford, Angel-Ajani 2006, Scheper-Hughes 1995, Speed 2006].

[2] «Культурное выживание» (Cultural Survival) — некоммерческая организация, созданная в 1972 году американскими антропологами супругами Мейбери-Льюис (Maybury-Lewis). Цель организации состоит в защите прав и интересов коренных народов во всем мире. *Прим. пер.*

[3] Институт исследований общин (The Institute for Community Research), основанный в 1987 году как некоммерческая организация, ставит своей целью изучение и преодоление социального неравенства как в США, так и во всем мире, в особенности в здравоохранении и образовании. Исполнительным директором Института исследований общин является антрополог Джин Скенсул (Jean Schensul). *Прим. пер.*

[4] Совет по здравоохранению испаноязычной диаспоры (Hispanic Health Council) организован в 1978 году и занимается преимущественно проблемами медицинского обеспечения и страхования, а также детской педагогики испаноязычной диаспоры в США. *Прим. пер.*

В то же время, внимательное изучение истории вовлеченной антропологии в Соединенных Штатах выявляет ряд противоречий, многие из которых по-прежнему актуальны для современной антропологической практики. После анализа истории вовлеченной антропологии и ее современной практики мы обращаемся к некоторым проблемам долгосрочного характера, которые она создает. Эти вопросы были подняты антропологами — участниками семинара «Антрополог как социальный критик: развивая вовлеченную антропологию», прошедшего 22–25 января 2008 года под эгидой Фонда Веннера-Грена[5]. В своих текстах, многие из которых представлены в настоящем сборнике, они останавливаются как на развитии и распространении вовлеченной антропологии, так и на проблемах, с которыми сталкиваются практикующие ее антропологи. В некоторых статьях положение антропологии в других странах рассматривается с целью подчеркнуть особую ситуацию с антропологией в Соединенных Штатах. В качестве введения к этому сборнику статей мы обсуждаем упомянутые выше формы вовлеченной антропологии, историю ее развития, а также вопросы, которые она продолжает ставить перед антропологией в целом. Отслеживая различные противоречия и усилия по их преодолению, мы предлагаем идеи о том, как именно науке следует развиваться в контексте вовлеченности. В заключение мы выявляем и вкратце обсуждаем ряд препятствий, все еще существующих на пути вовлеченной антропологической практики.

История вовлеченной антропологии в Соединенных Штатах Америки

Критическая и вовлеченная антропология существовала в Соединенных Штатах всегда, фактически с самых первых профессиональных исследований в период Реконструкции Юга после Гражданской войны [Burawoy 2005, Patterson 2001, February 27, Textor 2005]. В 1870 году первый директор Бюро этнологии и геологической службы, Джон У. Пауэлл, давал в Конгрессе показания о геноциде коренных народов в ходе строительства железной дороги и расширения страны на запад [Patterson 2001, February 27, см. также: Vincent 1994]. До Второй мировой войны многие работавшие в США антропологи указывали на экономические проблемы, классовые различия и влияние расизма и неравенства на американские институты и организации [Silverman 2007].

Североамериканская антропология 1920–1930-х годов продолжала находиться под влиянием Франца Боаса. Антропологи трудились не только над описанием культур коренных обществ, особенно коренных американцев, но и проводили исследования деревень Латинской Америки и Азии под руководством таких ученых, как Роберт Редфилд [Silverman 2007]. Боас помог заложить основу для установления связи между антропологией и общественной жизнью, включая критику расизма. В числе первых

[5] Фонд антропологических исследований Веннера-Грена учрежден в 1941 году Акселем Л. Веннером-Греном для поддержки исследований во всех областях антропологии. *Прим. пер.*

исследований межрасовых отношений — работы Мелвилла Херсковица [Herskovits 1928] и таких выдающихся антропологов-активистов, как Зора Нил Хёрстон [Pierpont 2004, March 8, Silverman 2007]. Боас также стал движущей силой антифашистского движения в довоенных США, к которому присоединились Рут Бенедикт, Джин Велтфиш и Эшли Монтегю [Patterson 2001, February 27, Susser 2010].

В 1930-е годы исследования проводились при спонсорской поддержке Управления общественными работами (WPA), которое в эпоху Великой Депрессии привлекало антропологов к нескольким из своих междисциплинарных программ. WPA поддержало такие инициативы, как городские исследования и публикация «Черного мегаполиса» (Black Metropolis, опубликовано в 1945 году[6]), социально-экономические исследования Юго-Запада для Службы охраны почв и социологические исследования сельских районов для Бюро сельскохозяйственной экономики (BAE) [Silverman 2007]. Бюро сельскохозяйственной экономики, в свою очередь, спонсировало ряд исследований: критически важный проект Уолтера Голдсмита по изучению агробизнеса, программу «Изучение сельской жизни» (Rural Life Studies), а также исследования сельских районов в округе Белл, штат Техас, выполненные Джоном Беннетом и Оскаром Льюисом. Антропологи, работавшие с коренными американцами, критиковали воздействие торговли, технологий, имущественного права и государственной политики, показывая, как они ввергают эти общества в кризис [Silverman 2007]. Сильверман [Silverman 2007] задается вопросом, что же случилось с этой материалистической и критической антропологией 1930-х годов, и объясняет ее упадок маргинальностью ее адептов, в большинстве своем не занимавших академических должностей, а также воздействием Второй мировой войны, которая замкнула все эти усилия на достижении победы.

Тем не менее, как в течение этого периода, так и впоследствии, первопроходцем вовлеченной антропологии была Маргарет Мид. Она активно выступала в качестве писателя и публичного спикера по всем аспектам жизни людей, живущих в современном мире [Lutkehaus 2008, Mead 1942]. Она занималась практическими проблемами — такими как обеспечение жильем, городское развитие, расовый вопрос и загрязнение окружающей среды, и сотрудничала с широким кругом специалистов и ученых. Однако ее популярность и успехи в ознакомлении критиков американского общества с антропологическими открытиями, полученными при изучении незападных культур, вовсе не всегда положительно воспринимались научным сообществом. В последние годы ее деятельность пристрастно досматривали на предмет научной ценности. Исследования социальных изменений, выполненные Максом Глакманом, Арнольдом Леонардом Эпстейном и Виктором Тернером из Манчестерской школы в

[6] Научный проект «Черный мегаполис», выполненный в первой половине XX века под руководством Джона Гиббса Сент-Клэр Дрейка (John Gibbs St. Clair Drake) и Гораса Кейтона Младшего (Horace R. Cayton Jr.), ставил своей целью изучение чернокожего населения североамериканских городов. Результаты исследования, опиравшегося преимущественно на данные социологической работы в Чикаго, стали важнейшей вехой как для изучения афроамериканского населения США, так и для социологии города в целом. *Прим. пер.*

Великобритании, равно как и Джаапом ван Велзеном и Годфри Уилсоном, также внесли своей вклад в историю американской вовлеченной антропологии, о чем куда подробней пишет Ида Сассер [Susser 2010].

Во время Второй мировой войны 95% антропологов были в той или иной степени вовлечены в военные действия, но некоторые аспекты этого участия, включая руководство лагерями для интернированных японцев, впоследствии, в 1960-х, привели к громкому возмущению [Wax 1971, Wax 1978]. Сразу после Второй мировой и начала Холодной войны американских антропологов привлекли на службу ввиду их понимания «традиционных» обществ. Щедрую государственную поддержку в рамках крупномасштабных проектов получили исследования регионов, имеющих стратегическое военное значение, и национальных менталитетов [Silverman 2007, Smith 1999, Warren 2006]; американские военные, в свою очередь, инвестировали в Ареальную картотеку человеческих отношений (HRAF[7]) и в этнографические исследования на островах Тихого океана. Джун Нэш [Nash 2007] пишет, что, работая в качестве начинающего антрополога с сельскими жителями-членами профсоюза в Кантели (Гватемала), она стала свидетелем организованного ЦРУ в 1954 году путча против президента Арбенза и что по возвращении в Чикаго ей нанес визит агент ЦРУ. Она ссылается на предостережение Макса Глакмана [Gluckman 2002 (1958)] о неизбежных опасностях, связанных с отказом от анализа и, соответственно, игнорированием или отрицанием политического контекста полевой работы антрополога, и задается вопросом о пределах антропологической наивности [Nash 2007: 105].

В 1950-е и 1960-е годы возникла серьезная озабоченность по поводу использования антропологических знаний, особенно когда многие антропологи принимались на работу в университеты, где им предлагались прибыльные бессрочные контракты по мере расширения антропологических факультетов за счет бюджета Холодной войны[8] [Chomsky 1997, Gusterson 1996, 2004, Nader 1997]. Разумеется, пожизненный контракт или академическая должность предоставлялись не всем. Многие антропологи из числа женщин и меньшинств остались работать в публичном секторе из-за препятствий на пути их полноценного участия в научной деятельности или из-за их активной социальной позиции. Маргинализированный характер их социальных идентичностей и активистские взгляды снизили видимость и значимость антропологической вовлеченности с точки зрения более широкого, и особенно вузовского, аспекта этой дисциплины.

После Второй мировой войны, когда многие антропологи перешли на работу в университеты, этические проблемы использования военными результатов исследований вызвали резкую критику. Основной мишенью для критики военного применения антропологических знаний стали исследования горных племен северного Таиланда, которые проводились во время войны во Вьетнаме при финансовой поддержке

[7] Ареальная картотека человеческих отношений (Human Relations Area Files) существует с 1949 года на базе Йельского университета. Целью создания картотеки стало поощрение сравнительного изучения культур, цивилизаций и человеческого поведения как в прошлом, так и в настоящем. *Прим. пер.*

[8] S. Silverman, личное сообщение.

Министерства обороны США [González 2004, 2009, Rylko-Bauer, Singer, van Willigen 2006, van Willigen 2002]. Сол Такс со своей антропологией действия попытался ответить на эту критику, предложив, чтобы добровольная практика тех, кто работает в науке, и другие эксплицитные ценностные подходы заложили основу для иной формы вовлеченной антропологии [Rylko-Bauer, Singer, van Willigen 2006].

Конечно, некоторые антропологи выступали против активизма и в других сферах, не только в военной. Джордж Питер Мёрдок в конце 1940-х годов отправил директору ФБР Джону Эдгару Гуверу список антропологов, считавшихся коммунистами [Price 2004]. Жуткая история о судьбе антропологов, попавших в лапы Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, и о карьерах, разрушенных обвинениями в связях с коммунистами, подробно изложена Лорой Нейдер [Nader 1997] и Дэвидом Прайсом [Price 2004]. Маккартизм ограничил свободу научного поиска антропологов, «преследуя, стигматизируя и наказывая тех, кто трудился во имя расового, гендерного, этнического или экономического равенства» [Price 2004]. Не следует недооценивать кумулятивное влияние, оказанное маккартизмом на вовлеченную антропологию, так как «по мере распространения, под видом травли красных, новой охоты на ведьм целое поколение представителей общественных наук научилось скрывать, что мыслят в категориях марксистской критики, а многие в этой дисциплине стали игнорировать активистские роли, естественным образом присущие и этически обязательные для антропологии» [Price 2004: xviii]. Прайс приходит к выводу, что к середине двадцатого столетия американская антропология сбилась с пути и отступила от своей прежней практики вовлеченности.

Этические последствия сотрудничества с вооруженными силами и конфиденциальности полевых антропологических журналов также оказались довольно мрачными, когда в 1971 году возглавляемый Маргарет Мид Специальный комитет по оценке разногласий относительно антропологической деятельности в Таиланде «опубликовал свой отчет, освобождающий всех гражданских антропологов Американской антропологической ассоциации (AAA[9]) от ответственности за неэтичное поведение» [Nader 1997: 126–127] и осудил Эрика Вульфа и Джозефа Йоргенсена за то, что они предали огласке содержание документов, связанных с антропологами, занимавшимися контрпартизанскими исследованиями [Price 2008]. Мид была обеспокоена этическими аспектами обнародования подобных документов, а не тем, как данные исследований использовались военными, в то время как Вульф и Йоргенсен вместе со многими другими выступили против дальнейшего применения антропологических материалов в военных целях. Отчет был отвергнут членами AAA, и доверие к руководству организации существенно пострадало. Аналогичные дебаты ведутся и сегодня, например, о том,

[9] Американская антропологическая ассоциация (American Anthropological Association) основана в 1902 году и является крупнейшим в мире объединением профессиональных антропологов. В ее деятельности принимают участие как университетские и академические антропологи, так и антропологи, работающие в неправительственной и некоммерческой сфере. *Прим. пер.*

нужно ли направлять антропологов в качестве членов программы «Система гуманных территорий» (HTS[10]) по миротворческой деятельности в Афганистане и Ираке. Американская антропологическая ассоциация и Сеть обеспокоенных антропологов (NCA[11]) озабочены этическими последствиями подобной формы сотрудничества антропологов с военными. В 2007 году Теренс Тернер внес в AAA предложение об изменении ее этического кодекса с тем, чтобы исключить любые формы тайных исследований и восстановить Принципы профессиональной ответственности AAA 1971 года; в октябре 2009 года был подготовлен полный отчет о программе HTS и оценке ее воздействия на антропологию; его распространили на ежегодном собрании AAA и выложили на ее веб-сайт.

Критическая и вовлеченная антропология пережила эпоху маккартизма в ряде научно-образовательных учреждений. Маршалл Салинс, Стэнли Даймонд, Эрик Вульф, Марвин Харрис, Констанс Саттон, Кэтлин Гоф и Дэвид Аберле устраивали публичные дискуссии по Вьетнаму («тичины»). В 1963 году Элеонора Ликок вместе с Джун Нэш и Хелен Сафа выступили за улучшение условий труда женщин как в Соединенных Штатах, так и в Латинской Америке, а в начале 1970-х Саттон и Ликок организовали Нью-Йоркский женский антропологический форум. Эти действия вылились в создание Международного женского антропологического форума под руководством Ликок и Саттон, а затем Джонетты Коул и Линды Баш. Форум присоединился к Организации Объединенных Наций для установления связей с учеными стран третьего мира[12] [Berreman 1968, Sutton 1993]. В семидесятые и восьмидесятые к кампании Ликок присоединились Кристина Гейли, Луиза Ламфер, Ричард Ли и многие другие [Patterson 2001, February 27, Roseberry 2002]. Активистская позиция, зародившаяся во время движения за гражданские права и войны во Вьетнаме, вылилась в специальный номер журнала «Актуальная антропология» (Current Anthropology), в котором Кэтлин Гоф [Gough 1968] анализирует империализм, Джеральд Берриман [Berreman 1968] рассматривает социальную ответственность в социальной антропологии, а Делмос Джонс [Jones 1968] обсуждает так называемую «инсайдерскую антропологию» с позиций Сент-Клэр Дрейка, афроамериканского антрополога, идущего по стопам Уильяма Эдуарда Бёркхардта Дюбуа и Джона Гиббса [Susser 2010]. В этот период также процветала феминистская антропология, призывавшая к более инклюзивным методологиям, активному взаимодействию с изучаемыми индивидами и сообществами и более эгалитарным отношениям в исследованиях [Huggins, Glebbeek 2009, Susser 2010].

[10] «Система гуманных территорий» (The Human Terrain System) была создана американскими военными в 2005 году для привлечения специалистов из социальных и гуманитарных наук — антропологов, социологов, политологов — с целью информирования командного и рядового состава подразделений американской армии, участвующих в операциях на различных территориях за пределами США, о характерных привычках и традициях местного населения. *Прим. пер.*

[11] Сеть обеспокоенных антропологов (Network of Concerned Anthropologists) является независимой организацией антропологов, встревоженных милитаризацией антропологии в рамках войны с террором и требующих соблюдения всеми антропологами этических принципов. *Прим. пер.*

[12] C. Sutton, частная переписка.

По мнению Уильяма Роузберри [Roseberry 2002], после Второй мировой войны последовательно сменяли друг друга три волны критики антропологической практики. Первая волна, конца 1940-х — начала 1950-х годов, поставила под сомнение «туземный анклав» как традиционный объект исследования и расширила сферу анализа, включив в него сложные общества и новые социальные группы [Roseberry 2002: 59]. Вторая волна, конца 1960-х и начала 1970-х годов, выросла из прежнего сотрудничества ученых-антропологов с колониальными державами и неспособности дисциплины признать гендерную и другие формы расовой, классовой и этнической дискриминации. Этот период был отмечен публикациями Эрика Вульфа (1969 год) «Крестьянские войны XX века» и Марвина Харриса (1964 год) «Отношения рас в обеих Америках». Эта критика основывалась на политической экономии, историческом материализме и эмпирических и реалистических традициях марксистской теории. Вовлеченные исследователи опубликовали сборник «Переизобретая антропологию» [Hymes 1969], который предлагал антиимпериалистическую позицию [Berreman 1968, Caulfield 1969]. Также он призывал вести исследования «снизу вверх», чтобы понять культуру власти, а не только культуру подвластных [Nader 1972], и переходить от мира чистой науки к работе в интересах сообществ или движений, в том числе в прямом действии в качестве их участника [Hymes 1969: 56].

Третья волна критики началась в середине 1980-х годов с издания книги Джорджа Маркуса и Майкла Фишера «Антропология как культурная критика» (1986), а также сборника «Как писать культуру» (Writing Culture) под редакцией Джеймса Клиффорда и Джорджа Маркуса (1986), и продолжалась до начала 1990-х. Опять-таки прибегнув к языку критики, третья волна сосредоточилась на изучении «формирования и культурного конструирования идентичностей» [Roseberry 2002: 70] и анализе полученных метанарративов, в особенности созданных белыми мужчинами-антропологами. Эта «культурная критика» затрагивала вопросы неравенства и голоса с дискурсивной точки зрения — часто с точки зрения философии Фуко, деконструктивизма или постколониальной теории/исследований подчинения — и выступала за более рефлексивную форму этнографической практики, которая ценит мультисемантические и совместно конструируемые знания и нарративы.

К концу 1970-х и 1980-м годам вовлеченная антропология начала интегрировать в себя эту критику, защищая интересы изучаемых групп населения и индивидов (при их участии) [Hill 2000]. Из объектов исследования информанты превратились в соавторов, соисследователей и коллег. Немалая часть исследований основывалась на теориях неравномерного развития и неравномерного распределения власти между ядром и периферией, но в то же время фокусировалась на том, как раса, класс, пол и этническая принадлежность структурируют социально-экономическое неравенство. Концепция «передачи власти общинам» в Асьенда Викос в Перу опиралась на идею о том, что успешное развитие может осуществиться только в том случае, если удастся изменить структурное неравенство крестьянской жизни [Doughty 1987]. Среди новых

подходов к проведению вовлеченных исследований, разработанных в этот период, были «модель совместного исследования» Джин Скенсул и Стивена Скенсула [Schensul, Schensul 1978, 1992] и «культурное брокерство» Денниса Уэйдмана [Weidman 1976].

В 1993 году книга «Диагностируя Америку: антропология и общественная активность» под редакцией Шепарда Формана провозгласила «прямой призыв к ответственной и вовлеченной антропологии» [Forman 1993: 3] в рамках панели на конференции AAA «Беспорядок в индустриальных обществах». Коллективная монография завершается «Профессиональным манифестом», в котором говорится о многих вопросах, рассматриваемых в этой статье, призывающим к «антропологии, включающей в свою работу, с одной стороны, эмпирически обоснованную социальную критику, а с другой — теоретически подкрепленное участие в общественно-политических процессах» [Forman 1993: 298]. Манифест называет пять аспектов вовлеченности: (1) антропология как источник социальной критики, (2) участие в деятельности локальных сообществ, (3) право голоса в формировании публичной политики, (4) вовлеченность как элемент образовательного процесса, (5) возрождение вовлеченной антропологии, определяемой как постоянная самокритика изнутри самой дисциплины. Рекомендации Манифеста содержат множество шагов, уже предпринятых AAA: например, создание комиссии по вопросам многообразия (ныне действующая Комиссия по вопросам расы и расизма), комиссии по представленности женщин в научной антропологии (постоянный Комитет по статусу женщин в антропологии), поддержка колледжей для национальных меньшинств (постоянный Комитет по делам меньшинств) и пересмотр критериев назначения на академические посты и карьерного продвижения в образовании и науке — вопрос, который в конце нашей статьи также рассматривается в качестве препятствия для вовлеченной работы и в настоящее время обсуждается Комитетом по антропологии государственных, прикладных и общественных интересов (COPAPIA).

Даже с учетом публикации этого поворотного текста в начале 1990-х годов и усилий AAA по продвижению антропологии в сторону большей вовлеченности, по-прежнему мало что говорилось о конкретных способах и уровнях правовой защиты и активизма, которые могли бы поддерживаться в рамках дисциплины, и особенно в академической среде. Однако в 1990-е и в начале 2000-х годов все большее число антропологов стало выступать за усиление общественного активизма как в университетах, так и за их пределами. Идея воинствующей антропологии Нэнси Шепер-Хьюз предполагает, что «культурный релятивизм, понимаемый как моральный релятивизм, больше не подходит для мира, в котором мы живем, и что антропология, если она вообще чего-то стоит, должна быть этически обоснована» [Scheper-Hughes 1995: 410]. Тем самым она утверждает, что антропологическое письмо может быть зоной сопротивления сопротивления. Джеймс Пикок в своей президентской лекции под названием «Будущее антропологии» представил идею публичной антропологии и провозгласил, в сотрудничестве с другими антропологами, что вовлеченная антропология должна стремиться к трансформации университетской среды и преодолению стратификаций внутри

самой дисциплины [Basch et al. 1999, Peacock 1997]. Книга «Противостоять нашему времени: за политически вовлеченную антропологию» (1999) Гевина Смита предписывает переход от политического участия к формулированию антропологии как политической практики, а Стюарт Кирш [Kirsch 2002] настойчиво требует считать допустимым активное вмешательство в случаях экологической несправедливости. Ласситер [Lassiter 2005] поддерживает совместное написание этнографических нарративов и в 2009 году стал редактировать журнал «Коллаборативные антропологии» (Collaborative Anthropologies) с целью продвижения этой инициативы, в то время как Виктория Сэнфорд и Эйзел Эйнджел-Аджани [Sanford, Angel-Ajani 2006], Шеннон Спид [Speed 2006], Чарльз Хейл [Hale 2006] утверждают, что критическая вовлеченность скорее будет достигнута посредством активистских исследований и правовой защиты, чем культурологической критики, опирающейся на университетскую среду.

В результате этого брожения возникло множество различных версий вовлеченной антропологии. Некоторые из них представляют собой формы поддержки, обучения и коммуникации; другие — это социальная критика, научная попытка изобличить истоки несправедливости и неравенства; а некоторые обращаются к коллаборативному подходу к исследованиям посредством работы с объектами изучения через сотрудничество и равноправные отношения. Представлены и более радикальные виды антропологической вовлеченности, сосредоточенные на правовой защите и активизме. Эти разделения и категории не являются ни жесткими, ни статичными, но мы прибегаем к ним, чтобы дать представление о разнообразии форм вовлеченности, существующих сегодня в Соединенных Штатах.

Формы антропологической вовлеченности

Один из наших тезисов состоит в том, что антропологи разными способами социально ангажированы, но, как показывает история, они вовсе не всегда соглашаются насчет того, как понимать вовлеченность, и еще менее едины относительно формы, какую она должна принимать. Наша позиция заключается в том, что существует широкий спектр практик, которые можно включить в эту рубрику, и что эта широта только укрепляет дисциплину. Мы предлагаем предварительную типологию способов вовлеченности, хотя и не представляем ее как набор взаимоисключающих категорий, поскольку все виды вовлеченности так или иначе пересекаются и смешиваются друг с другом. И тем не менее, они помогают описать диапазон вовлеченности и внести большую ясность в обсуждение последующих статей.

Предоставление ресурсов и поддержка

Антропологические полевые исследования обычно включают в себя повседневные практики предоставления ресурсов, поддержки и личного взаимодействия. Такие отношения, включающие дружбу и даже некоторые родственные связи, можно рассматривать как одну из форм вовлеченности. Например, Джон Джексон [Jackson 2010] говорит о

важности скорее искренности, чем аутентичности, как основы вовлеченной этнографической практики. Этнографические исследования, базирующиеся на аутентичности, стремятся установить, является ли то или иное лицо аутентичным членом или субъектом группы — такой подход превращает индивида в объект. Искренность, напротив, отсылает к состоянию внутренней причастности. Она предлагает иной способ представления реальности, но он всегда будет неполон, поскольку мы никогда не можем полностью знать, искренен другой или нет. Джексон предлагает модус этнографического исследования, который движим не стремлением к аутентичному или настоящему, а юмором, привязанностью и заботой об искренности.

Иной формой вовлеченности в этнографической практике являются совместные обязательства по отношению к идеям социальной справедливости или социальным изменениям. Камран Али пишет, как сочувствует бедным жительницам Карачи, вынужденным каждый день бороться со страхом и насилием на улицах, и спрашивает, когда антропологам следует вмешаться с универсализирующими дискурсами наподобие прав человека или расширения прав женщин, чтобы помочь им справиться с этими стрессами [Ali 2010]. Большинство антропологов разделяют с людьми, с которыми они работают или которых изучают, не только свои социальные и политические предпочтения, но свое жилье, питание, лекарства, автомобили и другие экономические, материальные и социальные ресурсы, как дóма, так и в поле. Эти повседневные акты предоставления ресурсов и поддержки могут на первый взгляд казаться непохожими на «вовлеченность» с точки зрения правовой защиты или активизма, но они отражают антропологическое чувство ответственности и взаимности, которое нередко перерастает в иные формы вовлеченности. Жоао Биль описывает, как он старался не только задокументировать жизнь бедной, больной женщины в бразильской зоне социального отчуждения, но и помочь ей, пытаясь определить природу ее болезни [Biehl 2005, см. также: Briggs 2004, Briggs, Mantini-Briggs 2000, Farmer 2003].

Преподавание и публичное образование

Еще одной формой вовлеченности является обучение в школах, в рамках учебных программ в контексте практической антропологии, а также в форме индивидуальных консультаций и наставничества. Например, Джексон рассказывает о преподавании как о форме вовлеченности, а Сассер описывает разработку этнографической обучающей программы по СПИДу в социальном контексте в Намибии и Южной Африке [Susser 2010]. То, как Сигне Хоуэлл описывает роль антропологов в общественных дебатах в Норвегии по таким вопросам, как права коренных народов и ассимиляция иммигрантов, позволяет предположить, что обучение может также проводиться через средства массовой информации и популярную литературу [Howell 2010].

Активное участие в преподавании, которое включает в себя привлечение студентов к участию в исследовательских проектах и к непосредственной работе с населением, является ключевой чертой целого ряда

антропологических программ. На многих программах, особенно на тех, которые сосредоточены или вовсе специализируются на прикладной антропологии, предусмотрены стажировки для студентов в местных органах власти и коммунальных службах, где как преподаватели, так и студенты работают вместе (и в интересах) с жителями маленьких городков, больших городов или регионов над местными проблемами и инициативами. Преподаватели и студенты, заинтересованные в сотрудничестве, нередко создают центры локальных исследований, где преподаватели университетов и колледжей разрабатывают проекты совместно со студентами, и такая работа на местах также включается в учебные планы.

Вовлеченное преподавание также ведется в детских садах посредством программ для старшеклассников, цель которых — предложить детям и молодым людям точку зрения и базовые знания антропологии. Комитет AAA по антропологии и образованию (CAE) сосредоточен на продвижении подобных проектов, поскольку они имеют широкий охват и огромный общественный резонанс. Норма Гонсалес [González 2010] обсуждает значение антропологического присутствия в школах и способов, которыми преподавание включает в себя осознание языкового и расового неравенства, как практику вовлеченности, способствующую преодолению неравноправия в образовании.

Многие практикующие и прикладные антропологи проводят тренинговые программы, которые вовлекают общественность и их клиентов в интенсивное взаимодействие на протяжении ограниченного времени. Публичные практикумы, лекции, семинары и другие формы общественного программирования являются важными компонентами вовлеченного обучения. Порой данный способ вовлечения развивается на основе исследований в публичном секторе; например, длившиеся на протяжении двадцати лет исследования парков, выполненные Группой по изучению публичного пространства по заказам Службы национальных парков, Департамента парков и зон отдыха в Нью-Йорке и других государственных служб и институтов [Low, Taplin and Scheld 2005]. Исследования этой группы по вопросам культурного разнообразия и ограничений в доступе к адекватным и подобающим парковым ресурсам по критериям гендера, расы, этнической принадлежности, класса, возраста и физических возможностей создали набор «уроков», которые в настоящее время используются в качестве основы обучающих семинаров для менеджеров и дизайнеров парков, специалистов по охране исторического наследия и градостроителей в США, Канаде и Австралии [Low 2002, 2004, 2006, 2008, 2010]. Таким образом, «преподавание» как разновидность вовлеченности имеет множество форм, включая аудиторное обучение, непосредственную работу с населением, тренинги, практикумы, а также множество иных видов педагогической и дидактической работы, в том числе деятельность в качестве публичного интеллектуала. Принцип вовлеченности в университетском и среднем образовании выдвинул на первый план целый ряд научных лидеров-новаторов, таких как Джонетта Коул из Спелман-колледжа и Джудит Шапиро из Барнард-колледжа. Они вдохновляют студентов и преподавателей на дальнейшую работу над современными социальными проблемами.

Социальная критика

Социальная критика в самом широком смысле этого слова означает антропологическую работу, когда методы и теории используются для изобличения властных отношений и структур неравенства. Можно привести много прекрасных примеров подобной работы в области антропологии, которые, как правило, устанавливают связи между индивидуальными или групповыми страданиями и структурными факторами путем изучения полученного ущерба в историческом контексте и в рамках властных отношений. Например, Пол Фармер [Farmer 2003] увязывает болезни с более масштабными ситуациями структурного насилия: действиями институтов и государств наряду с неравномерным предоставлением медицинских услуг [см. также: Farmer 2004, 2005]. Жоао Биль [Biehl 2005] демонстрирует, как повседневные практики фармацевтических компаний и медицинских служб обрекают определенных людей на существование в зонах оставленности, за пределами пространства повседневной жизни [см. также: Biehl 2007]. Уго Маттеи и Лора Нейдер [Mattei, Nader 2008] документируют, до какой степени верховенство права не просто не смогло предотвратить глобальное расхищение ресурсов богатыми и могущественными странами, но и активно способствовало таковому. Значительное количество научных работ по социальному страданию выдвигает на первый план боль, испытываемую простыми людьми, и перспективы выздоровления посредством возвращения к повседневности [Das 2007, Das et al. 2001]. Антропологи много сделали для того, чтобы выявить разрушительные последствия процесса развития [Ferguson 1994], страданий от нищеты и голода [Scheper-Hughes 1992] и деградации окружающей среды [Tsing 2005]. Другие антропологи, как Виктория Сэнфорд, сосредотачиваются на нарушениях прав человека, от которых страдают люди, находящиеся в зонах вооруженных конфликтов [Sanford 2004].

Существует обширная литература о различных видах конфликтов и насилия, таких как геноцид [Hinton 2002a, 2002b, Hinton, Lifton 2004, Hinton, O'Neill 2009], нарушения прав человека [Cowan, Dembour, Wilson 2001, Goodale 2008, 2009, Tate 2007], гендерное насилие [Merry 2008], правосудие переходного периода и последствия войн [Clarke 2009, Nelson 2009, Wilson, Merry 2001], а также о насилии в более широком смысле слова [Scheper-Hughes, Bourgois 2004, Starn 1995]. Это лишь немногие примеры обширного и разнообразного набора исследований, стремящихся выявить скрытые или повседневные формы насилия и жестокого обращения и объясняющих распространенность последних в контексте более масштабных структур богатства и власти. Так, Сассер [Susser 2010] анализирует проблему СПИДа в Южной Африке в рамках политической экономии страны и показывает, как работы Манчестерской школы о Медном поясе в Замбии развивали эту форму анализа в 1930–1940-е годы [см. также: Susser 2009].

Другая форма социальной критики раскрывает злоупотребление концепциями в повседневном дискурсе, особенно когда эти концепции приводят к дискриминационному поведению. Это направление также

имеет долгую историю, часть которой была сосредоточена на изобличении заблуждений расового мышления. Зачастую подобная форма подразумевает критику неверного использования теории и концепций антропологии, например, таких, как культура нищеты. Так, Гонзалес показывает, как концепция культуры, в том числе культуры нищеты, узурпируется для объяснения плохой успеваемости в школе и, в конечном счете, для исключения мигрантов. Поскольку «культура» применяется для объяснения различий в школьной успеваемости белых и латиноамериканцев, она в конечном итоге лишь укрепляет концепцию расы и затушевывает критическую важность бедности и неопределенного иммиграционного статуса для школьной успеваемости [González 2010]. Аналогичным образом, разрушение жилых районов Рима, населенных малоимущими, подкрепляется концепцией «модернизации», имеющей расистскую подоплеку [Herzfeld 2010]. Сигне Хоуэллл описывает, как антропологическая концепция культуры используется в общественных дебатах в Норвегии способами, беспокоящими норвежских антропологов [Howell 2010]. В области международных отношений концепция культуры служит для объяснения устойчивости вредных для женщин практик в развивающихся странах. Ссылки на «культуру» при объяснении подобных практик играют на руку колониальным концепциям отсталости, игнорируя при этом, насколько против этих практик протестуют местные активисты и насколько их из политических соображений поддерживают консервативные элиты [Merry 2006].

Некоторые разновидности социальной критики обращены непосредственно против злоупотребления антропологическими концепциями и знаниями, циркулирующими в элитарных публичных сферах. Хью Гастерсон и Кэтрин Бестеман [Besteman, Gusterson 2005, Gusterson, Besteman 2010], в частности, издали два сборника антропологических эссе, критикующих высказывания экспертов по некоторым популярным темам, связанным с культурой. Сеть обеспокоенных антропологов занимается областями, в которых антропологические знания применяются способами, вызывающими тревогу у многих антропологов, к примеру, помогая военным действиям, — о чем также пишет Кэтрин Лутц [Lutz 2001, 2002, 2006, 2008], критикуя армию и ее роль в повседневной жизни Соединенных Штатов.

Сотрудничество

Еще одно измерение вовлеченной антропологии — коллаборативный подход к исследованиям и практике. В него включается многое, от работы на месте исследования до совместного руководства в ходе практических исследований. Участие в исследовании на местах — это умеренная форма сотрудничества, в рамках которой ученый работает с местными организациями или общественными движениями, помогая им решать их задачи, но не возглавляя их активно. Например, можно присматривать за детьми, пока женщины находятся на группах поддержки жертв домашнего насилия, или устроиться стажером в правозащитную организацию с целью изучения методов ее работы. Сотрудничество при исследованиях также может принимать форму совместного руководства

исследовательским проектом. В частности, Салли Мерри и Пегги Левитт провели сравнительное исследование о популяризации идеи прав женщин женскими неправительственными организациями в Индии, Китае, Перу и Соединенных Штатах Америки совместно с учеными этих стран [Levitt, Merry 2009]. Другим примером коллаборативного подхода может послужить серия исследований по гендерной проблематике и постсоциализму, организованная Сьюзан Гал и Гейл Клигман [Gal, Kligman 2000]. Роберт Кемпер и Аня Ройс [Kemper, Royce 2002] в своей книге о долгосрочных полевых исследованиях в антропологии прослеживают развитие полевых исследовательских стратегий от индивидуальной этнографии до подходов, основанных на сотрудничестве и защите прав и интересов.

Сотрудничество в исследованиях предполагает совместное управление и руководство исследовательским проектом со стороны как ученых, так и субъектов изучения. Так, в своем анализе ущерба окружающей среде и местным сообществам, причиненного жителям Маршалловых островов в результате испытаний ядерного оружия, Джонстон работала с коллегой, Холли М. Баркер, которая специализировалась в этой области, а также с членами местной общины как с коллегами, участвующими в производстве знаний. Еще одним примером сотрудничества, в котором групповые задачи превосходят задачи отдельного антрополога, служат совместные практические исследования, включающие сотрудничество в отношении целей проекта, методов исследования и анализа результатов.

Люк Эрик Ласситер [Lassiter 2005] утверждает, что сотрудничество в области этнографии является еще одним эффективным способом вовлечения общественности. Занимаясь полевыми исследованиями и составляя этнографические тексты вместе с теми, кого он изучает, он объединяет усилия академических и прикладных антропологов в более непосредственной вовлеченности. Он указывает на то, что, пока антропологи в 1960-е и 1970-е годы пытались интегрировать теорию и практику для создания более вовлеченной и активистской антропологии [Hymes 1969, Peacock 1997, Sanday 1976], прикладные антропологи развивали коллаборативные методы работы [Schensul, Schensul 1978, 1992, Stull, Schensul 1987]. Для Меррилла Сингера [Singer 1990, 2000] переосмысление «публичной антропологии» — это не более чем еще один пример того, как иерархия академического/прикладного и гегемония академической антропологии маргинализирует длительную историю общественной работы, которой занимается прикладная/практическая антропология.

Коллаборативные стратегии являются отличительной чертой большинства прикладных и практических исследований [Stull, Schensul 1987]. Коллаборативные модели исследований и деятельности [Schensul, Schensul 1978] используются и модифицируются медицинскими антропологами, такими как Линда Уайтфорд [Whiteford 2009, Whiteford, Tobin 2007] и Ноэль Крисман [Chrisman 2005] и многими другими, применяющими коллаборативные стратегии в мерах по обеспечению здравоохранения на местах и в исследованиях в области общественного здравоохранения. Лейт Муллингс, Алака Вали, Диана Маклин,

Джанет Митчелл, Сабийя Принс, Дебора Томас и Патрисия Товар [Mullings et al. 2001] в качестве единой команды исследователей сотрудничают с жителями Гарлема, анализируя неравенство в сфере медицины и разрабатывая интерсекциональный подход[13] к здравоохранению [Mullings 2005]. Другие антропологи более заинтересованы в «агентности» и правах на медицинское обслуживание как методах интеграции сотрудничества в свою практику[14], а Ширли Фиске [Fiske 2009], с позиций своего сотрудничества с законодателями на Капитолийском холме, призывает антропологов активнее вмешиваться в процесс принятия политических решений. Сета Лоу, Дана Таплин и Сюзанна Шелд [Low, Taplin, Scheld 2005] работали вместе с сотрудниками Службы национальных парков, менеджерами парков, посетителями парков и пляжей, местными жителями и общественными группами над разработкой совместных мероприятий, методов исследования и семинаров с целью добиться большего охвата аудитории в своих исследованиях культурного разнообразия. И хотя мы не рассматриваем обширное участие археологов в практике общественной работы и вовлеченности, представляется важным отметить, что археологическая практика, управление культурными ресурсами, охрана памятников истории и общественные исторические проекты, такие как продолжающийся проект Томаса Фергюсона и Чипа Колуэлл-Чантапона [Colwell-Chanthaphonh, Ferguson 2006a, 2006b, 2008; Ferguson, Colwell-Chanthaphonh 2006], большей частью фокусируются на сотрудничестве археологов с сообществами потомков коренных жителей с целью определить и защитить места, связанные с памятью их предков. Такие исследования возможны только в сотрудничестве и задают ориентир для будущего, наподобие коллаборативной этнографии Ласситера.

Правовая защита

Другой аспект вовлеченной антропологии — правовая защита. Вот некоторые примеры из этой весьма пестрой сферы: помощь местным сообществам в организации усилий по защите своих прав, дача показаний, выступления в суде в качестве эксперта, свидетельствование о нарушениях прав человека, выполнение функций переводчика между сообществом и госслужащими или корпорациями, а также помощь локальным группам в распространении международных принципов (например, прав человека) путем перевода их на местные языки. Стюарт Кирш [Kirsch 2002] подчеркивает, что правовая защита в рамках антропологии вполне уместна, тем более что она представляется «логическим расширением приверженности принципу взаимности, лежащему в основе антропологической практики» [Kirsch 2002: 178]. Многие антропологи работают с коренными народами, переводя их нужды и страдание

[13] Интерсекциональный подход основан на утверждении о том, что существует несколько взаимопересекающихся систем угнетения, доминирования или дискриминации. Этот подход используется в феминистской теории, считающей, что женщины подвергаются угнетению в различных, налагающихся друг на друга формах. *Прим. пер.*

[14] Авторы данной статьи ссылаются здесь на свое личное общение с антропологом Н. Таскимой (N. Taskima). *Прим. пер.*

в формы, которые могут быть восприняты за пределами их общины, например, международным трибуналом, и способствуют усилению правового давления и общественного контроля [Hale 2006, Kirsch 2002]. Антропологи давно уже выступают защитниками интересов коренных народов. Так, в первые годы протеста против строительства масштабного комплекса плотин на реке Нармада в Индии — проекта, который привел к переселению большого числа людей, в том числе многих племенных народов, — Всемирный банк поручил антропологу Тайеру Скаддеру провести оценку процесса переселения. Его отчет, подготовленный по итогам визита в 1983 году, раскритиковал правительственные меры по переселению [Khagram 2002: 211]. В 1984 году Скаддер совместно с переходной коалицией местных и международных НПО работал над совершенствованием политики переселения и встречался с местными жителями и активистами, чтобы выяснить, чего они хотят, с тем, чтобы разработать соглашение с Всемирным банком, который в то время финансировал проект. Другие НПО поддержали заявление о том, что переселение является незаконным, поскольку оно нарушает Конвенцию 107 Международной организации труда (МОТ), которая признает право племенных народов на их традиционные земли или эквивалентные земли в случае их переселения [Khagram 2002: 212–213]. В этом случае антрополог выступил в качестве посредника между племенными народами, индийским правительством, Всемирным банком и международными нормами, такими как Конвенция МОТ, и отстаивал точку зрения племен. История норвежского антропологического активизма, изложенная Сигне Хоуэллл, показывает, что защита коренных народов сыграла аналогичную стимулирующую роль и в этой стране [Howell 2010].

Ряд статей в нашем сборнике рассказывает о правозащитной антропологии. Барбара Роуз Джонстон описывает свою работу в качестве эксперта, фиксирующего, по поручению жителей Маршалловых островов, биокультурные последствия испытаний ядерного оружия [Johnson 2010]. Она занималась сбором данных и содействовала принятию решений и восстановительным мероприятиям по иску о возмещении ущерба, поданному в Трибунал Маршалловых Островов по ядерным испытаниям. Она и ее сотрудники использовали коллаборативные и партисипативные методы, чтобы помочь осознать причиненный сообществу ущерб и определить потребности в его возмещении помимо экономической компенсации за убытки и утрату имущественных прав, что в конечном итоге привело к присуждению значительной компенсации. Рассказывая о своей работе с больными СПИДом в Южной Африке, Ида Сассер демонстрирует, как насущная необходимость борьбы со страданиями и болезнями вынудила ее занять правозащитную позицию касательно предоставления лечения [Susser 2010]. Майкл Херцфельд описывает роль, которую сыграл, помогая небольшой общине в Бангкоке защитить свое жилье от сноса при реновации. В контексте этической конкуренции между развитием и правом на жилье Херцфельд решил работать над сохранением жилья для бедных и уязвимых слоев населения [Herzfeld 2010]. Когда Мерри проводила исследования по гендерному насилию и правам человека при ООН, она начала выступать за

правовое вмешательство с целью предотвращения гендерного насилия, помогая разрабатывать документы, интерпретирующие этот вид насилия как нарушение прав человека. Знакомясь с программами по борьбе с гендерным насилием по всему миру, она делилась информацией об организации и стратегиях, принятых в рамках других программ [Merry 2005, 2006]. Лоу [Low 2008], работая с локальными группами по защите общественного пространства посредством ток-шоу на радио, редакционных статей в газетах, открытых лекций, туров и как художник, создавая публичное искусство, стала известным защитником общественного пространства в Нью-Йорке.

Активизм

Активизм трудно отличить от правовой защиты. Оба вида деятельности могут опираться на личностные знания и обязательства человека как антрополога, но активизм также основывается на его обязательствах как гражданина — и просто как человека — противостоять нарушению прав или страданиям других людей. Барбара Роуз Джонстон выдвигает концепцию «антропологического гражданина», то есть антрополога, выступающего в роли писца, документирующего злоупотребления, а также советника, защитника и партнера в правовой защите [Johnston 2001a, 2001b, 2006, 2010]. Современный антропологический активизм придерживается убеждения, что антропологи «несут ответственность за потенциальные последствия произведенных знаний о людях и их культурах, за деколонизацию отношений между исследователем и субъектом исследования... и за участие в такой антропологии, которая будет предана делу освобождения человека» [Speed 2006: 67]. Чарльз Хейл определяет «активистское исследование» как «метод, с помощью которого мы декларируем политическую приверженность организованной группе людей, борющейся за что-либо, и через диалог с ними формируем каждый этап этого процесса» [Hale 2006: 97]. И Спид, и Хейл, равно как и Сэнфорд и Эйнджел-Аджани [Sanford, Angel-Ajani 2006], утверждают, что активизм отличается от критики, особенно критики культуры, в том, что ученые, работающие в качестве активистов-исследователей, имеют двойную лояльность, к своей дисциплине и/или академическому сообществу и к политической борьбе [Hale 2006: 100]. Для тех активистов, которые работают в государственных учреждениях, НПО или в качестве независимого подрядчика, вопрос лояльности становится еще более сложным, поскольку, наряду с приверженностью к профессии и к обозначенному направлению борьбы, существует также лояльность к спонсору или клиенту.

Есть множество блестящих сборников и примеров активистской работы. Самая известная из них — «Вовлеченный наблюдатель: антропология, правовая защита и активизм» под редакцией Виктории Сэнфорд и Эйзел Эйнджел-Аджани [Sanford, Angel-Ajani 2006], в которой основное внимание уделяется противоречиям, с которыми сталкиваются антропологи в местностях, раздираемых войной, насилием и межгрупповыми конфликтами. Еще одним примером является работа Шеннон Спид [Speed 2006] с одной из общин коренного населения в мексиканском

штате Чьяпас. Когда она увидела, что члены общины очень обеспокоены защитой своих земельных прав, она стала работать с ними, чтобы научить, как определить себя в качестве общины коренного населения и представить себя в МОТ с тем, чтобы предъявить коллективные культурные права и таким образом защитить свои земли и ресурсы. Нэнси Шепер-Хьюз [Scheper-Hughes 1995] с несколько иной точки зрения утверждает, что антропологи, работающие в полевых условиях, обязаны действовать в случаях человеческого страдания, даже если другие участники возражают против этого [см. также: Scheper-Hughes 1992].

На практике научные и активистские усилия никогда не бывают автономными, несмотря на наши теоретические предположения об их независимости. Так, этнографическое изучение правозащитной практики постоянно выявляет проницаемость границ между научной и правозащитной деятельностью. По мере продвижения антропологов в новые области исследований, такие как права человека, они сталкиваются с субъектами, которые сами применяют антропологические концепции и участвуют в теоретических дебатах о том, что они означают. Они обсуждают, что такое культура, каково определение гендера, как глобализация влияет на женщин и как правозащитный подход может повысить безопасность женщин. Они саморефлексивны, аналитичны и вовлечены в тот же самый интеллектуальный мир, что и антропологи. В этом мире антропологи играют важную роль советников, консультантов и защитников, особенно в области прав коренных народов. Хоть в двадцатом веке антропологи порой и боролись за то, чтобы утвердить свой статус ученых, стремясь выйти за рамки моральных дискуссий (данная позиция была ясно сформулирована в 1947 году в заявлении исполнительного совета AAA, осудившем Всеобщую декларацию прав человека [Goodale 2006a, 2006b, Merry 2001]), эта позиция успела значительно измениться.

На самом деле, некоторые антропологи ставят под сомнение жизнеспособность и моральную приемлемость неактивистской позиции. Они доказывают, что последствия этнографической беспристрастности в мире, характеризующемся неравенством в распределении ресурсов, «захватом земель» и политическим насилием, проблематичны. В этих условиях этнография не имеет права быть аполитичной, и даже бездействие, например, нежелание возложить ответственность на нефтяную компанию за ее деструктивную деятельность, как утверждает Камари Кларк [Clarke 2010], само по себе является действием. Отсутствие публичных акций не может считаться чем-то нейтральным, и опора на антропологические принципы, ограничивающие этнографию в обстоятельствах конфликта или войны, сама по себе уже будет политическим действием. По мнению Джексона, мы часто игнорировали, в ущерб нашему анализу и нашей политике, неоднозначную взаимосвязь между антропологией и активизмом не только при этнографическом контакте, но даже в процессе преподавания и подготовки аспирантов [Jackson 2010].

Очевидно, что вовлеченная антропология имеет давнюю традицию и широкий спектр форм участия. Но ее расцвет не лишен и сложностей. В следующем разделе рассматриваются три дилеммы, с которыми сталкивается вовлеченная антропология.

Дилеммы вовлеченности

Все три дилеммы вырастают из вопросов о том, как, когда и в какой степени в антропологической работе должна присутствовать вовлеченность. Они были предметом дискуссий в прошлом и до сих продолжают вызывать споры. На вопросы, которые они ставят, нет простых ответов.

Первая дилемма касается того, до какой степени исследователь должен выступать в качестве участника, включая вовлечение в деятельность, направленную на реформирование черт общественной жизни в целях укрепления социальной справедливости в противоположность позиции безучастного чужака, наблюдающего и фиксирующего факты общественной жизни. Некоторые утверждают, что подобного рода участие меняет изучаемое общество и заставляет задуматься о моральном праве на изменение других образов жизни. Другие доказывают, что действуют неэтично как раз те, кто не реагирует на необходимость вмешательства. Кто-то отмечает, что в настоящее время все общества экономически и политически взаимосвязаны таким образом, что изоляция невозможна, и многие страдают от последствий этой взаимосвязи. Остается неясным, каким образом и в какой мере антрополог должен стремиться к переменам. Спорят на этот счет уже долго, и вопрос пока даже близко не решен. Вмешательство часто оправдывается на основе универсальных принципов справедливости, но это кажется неприлично близким к аргументам имперского «цивилизующего процесса» или к задаче христианских миссионеров обращать в свою веру «язычников». Некоторые статьи в этом сборнике выражают обеспокоенность по поводу вторжения в жизнь других обществ, включая Али [Ali 2010], Сассер [Susser 2010] и Херцфельда [Herzfeld 2010], но для оправдания своего вмешательства они обращаются к универсальным дискурсам социальной справедливости, таким как права человека. Очевидно, что данная тема лежит в основе многих описанных выше споров об активизме.

Вторая дилемма заключается в стремлении критиковать тех, кто в постколониальных обществах несправедливо обладает властью над другими, избегая при этом воспроизведения колониальных отношений власти. Для антрополога, имеющего гражданство имперской державы, критика постколониального правительства, недавно освободившегося из-под власти этой державы, представляется воспроизведением колониального неравенства. Алан Смарт ясно формулирует сложности, с которыми он, как чужак, столкнулся при критике правительства Гонконга в постколониальных условиях. В своем исследовании сквоттерского жилья в контексте истории британского колониализма он ощутил необходимость осуществлять социальную критику тактично. Например, попытавшись раскритиковать работу рынка жилья в Гонконге, он столкнулся с трудностями, почувствовав, что не знает, как правильно к этому подойти. Он заключает, что гораздо полезнее отказаться от высокомерия в критике и, возможно, ограничивать ее своей собственной страной [Smart 2010].

Третья дилемма состоит в желании содействовать социальной справедливости и облегчить страдания, связанные с войной и вооруженными

конфликтами, путем предоставления правительствам и военным антропологических знаний и приемов, избегая при этом кооптации и злоупотребления антропологической методологией и опытом. Сотрудничество с правительством, армией или агентством по развитию обещает сделать работу этих институтов более гуманной и восприимчивой к проблемам и точке зрения населения, но при этом рискует потерять контроль над тем, как исследования в итоге используются и подвергаются манипуляциям. Отказ от сотрудничества с этими организациями лишает их антропологической информации и может ограничить их способность понимать местные сообщества и культурные практики. С другой стороны, работа с ними заставляет задуматься о том, как избежать кооптации и этических проблем, сформулированных в заявлении ААА, направленном против «Системы гуманных территорий». Остается констатировать, что вопрос о том, в какой степени антропология как научная дисциплина должна участвовать в военных операциях, обсуждался по крайней мере со времен Второй мировой войны.

Джонатан Спенсер наглядно демонстрирует это противоречие, описывая, как инициатива британского правительства, вначале казавшаяся хорошей возможностью для антропологов внести вклад в понимание других обществ, превратилась в проект, противоречащий антропологическим принципам [Spencer 2010]. Министерство иностранных дел Великобритании предложило финансировать исследования по проблеме мусульманского терроризма в сотрудничестве с Советом Соединенного Королевства по экономическим и социальным исследованиям — основным органом, финансирующим научные исследования. Это сотрудничество создало весьма проблематичные условия для научной работы. Спенсер описывает ловушки, таящиеся в механизме финансирования, и растущее неприятие этого проекта учеными Соединенного Королевства. Однако не всегда участие в финансируемых государством исследованиях проблематично с этической точки зрения. Камари Кларк проводит различие между предоставлением армии общей информации и конкретных сведений об определенных людях и их деятельности [Clarke 2010]. Общие знания могут быть полезны для улучшения отношений между военными и теми, кто находится под их контролем, в то время как конкретные сведения могут быть опасными для тех, на кого указывают. Она утверждает, что отказ от сотрудничества с вооруженными силами — это не единственно возможная позиция для антропологии, напротив, антропология нуждается в освоении и этого источника власти. Существует не только опасность вовлечения, но и опасность отчуждения. В этой связи очевидно, что антропологам важно изучать такие явления, как формирующийся в Соединенных Штатах аппарат безопасности [Fosher 2009].

Препятствия для вовлеченности

Несмотря на масштаб и мощь вовлеченной антропологии, некоторые из этих форм вовлеченности сталкиваются с препятствиями и трудностями в виде интеллектуальных и организационных барьеров. Многие из препятствий носят институциональный характер, включая практику

финансирующих органов, правила найма, пребывания в должности и продвижения по службе, в то время как другие по своей природе концептуальны; таковой может считаться идея «науки», уходящая корнями в антропологическую историю. Факультетские или университетские нормы наряду с корпоративными и бизнес-нормами в отношении того, что считать легитимным результатом работы, требования к публикации, организация и структура профессиональных конференций, а также принципы финансирования в грантовых агентствах — все это способствует подавлению правовой защиты и активизма. Все эти формы замалчивания должны обсуждаться в рамках дисциплины и наших университетских учебных программ с тем, чтобы лучше подготовиться к выявлению и преодолению этих препятствий, а также к разрешению вышеуказанных дилемм, чтобы антропологическое образование могло вносить более весомый вклад в публичную сферу.

Неспособность говорить или писать о политических вопросах даже в случае политической вовлеченности имеет важное значение для полевой работы. Эта неспособность говорить возникает тогда, когда люди, вовлеченные в антропологическое исследование или антропологическую работу, придерживаются ценностей, принципиально отличных от ценностей антрополога. В особенности позиция исследователя может отличаться от точки зрения интервьюируемых при исследовательском взгляде «снизу вверх», например, при опросе белых представителей среднего класса, проживающих в эксклюзивных кооперативных многоквартирных домах или закрытых сообществах [Low 2003, 2010]. Лоу было трудно интервьюировать жителей закрытых районов, потому что ее информаторы предполагали, что она придерживается тех же ценностей, что и они. Ей хотелось оставаться честной и открытой в своих исследовательских выводах, критических по отношению к схемам частного жилья, как перед жителями, так и перед широкой общественностью. Она стремилась написать книгу, в которой жизнь ее информантов была бы представлена объективно, но при этом содержалась бы и адекватная критика, позволяющая читателям задуматься о том, как эти сообщества меняют жилищный ландшафт. Изыскивая способы опубликовать результаты исследования, которые не пришлись по вкусу ее информантам — жителям закрытого района — и при этом не отказаться от цели разоблачить социальные последствия огораживания элитного жилья, она постоянно сталкивалась с угрозой замалчивания. На практике антропологам часто приходится преодолевать трудности доступа к исследовательским объектам, требующим определенных форм самоцензуры в качестве платы за работу с ними.

Ожидание того, что антропологическая работа будет научной, объективной и нейтральной, а не гуманистической и личной. Это нередко означает написание работ с теоретическим уклоном, иногда с интенсивным использованием научного жаргона. Антропологи, интересующиеся активизмом и критикой, избегают представлять свои знания в легкодоступных для СМИ формах, громко выражающих правозащитную позицию. К примеру, в области прав человека активисты предъявляют знания для общественного потребления совершенно иначе, чем антропологи, работающие над теми же самыми проблемами. Даже несмотря на то, что

правозащитники и ученые пользуются аналогичными методами сбора данных — такими как опросы, личные нарративы и кейсы, — правозащитники, как правило, представляют эти знания в относительно жестких формах, чтобы вызвать у общественности возмущение и подвигнуть ее на действия. Часто они не представляют ситуацию во всей контекстуально и исторически обусловленной тонкости и сложности, а полагаются на убедительные личные свидетельства о страданиях и индивидуальной ответственности, подкрепленные статистической документацией о масштабах и частоте возникающей проблемы. Чтобы убедить широкую публику, изложение фактов должно быть прямолинейным и эмоционально захватывающим. Чтобы убедить научную аудиторию, требуется тонкость и изощренность. Возмущение и моральные суждения, если в них вообще есть необходимость, должны быть приглушены. Правозащитники излагают свои истории в универсалистских терминах; антропологи, напротив, демонстрируют более контекстуально точную картину социальной несправедливости и меньше описывают возможные пути ее разрешения. Хотя как настоящее вступление к сборнику, так и сам сборник отмечают, что нормы научных публикаций меняются, с представлением знаний все еще существуют проблемы, заглушающие голос активистской науки.

Акцент на частностях и контексте, на прочтении каждой ситуации с точки зрения разнообразия способов ее проживания. Это ставит антропологию в оппозицию к нескольким важным для нее универсализирующим дискурсам. Хотя антропология как наука все больше обращается к универсальным реформаторским дискурсам, таким как права человека и международный гуманитаризм, она сопротивляется универсалиям. Такие дискурсы предполагают безоговорочно универсалистскую этическую позицию, являющую собой важный ресурс для многих из тех людей, которых изучают антропологи. Однако поддержка права на различие, основанная на науке колониальной эпохи и ее сопротивлении империалистическим требованиям перемен, продолжает влиять на антропологию. В то же время критическое значение для антропологов имеет поддержка политических инициатив, исходящих от подчиненных групп, которые видят возможности расширения своей аудитории и ресурсной поддержки за счет принятия этого универсалистского языка. В той мере, в какой этнографическая практика включает имплицитную приверженность благополучию изучаемых ею субъектов, антропологи склоняются к мобилизации любых имеющихся у них ресурсов. Но в той мере, в какой они стремятся к защите прав на культурные различия, эта взаимосвязь остается проблематичной.

Экспансия международных дискурсов социальной справедливости. Она создает серьезную проблему для антропологической науки. В подобном дискурсе опыт обобщается в универсалистских терминах и сглаживает различия, уделяя основное внимание личным травмам, а не структурным дисфункциям. Антропологи играют решающую посредническую роль между этими универсализующими мирами и особенностями опыта местных сообществ при создании эффективных форм коммуникации

для различных аудиторий, равно как для консультирования по вопросам политической стратегии. Однако по мере того, как универсализующие языки начинают доминировать в политических и общественных дискуссиях, антропологические знания, основанные на специфике и контексте, могут быть маргинализированы. В частности, как отмечает Джеймс Фергюсон, обсуждение Африки как единого целого направлено на более широкую аудиторию, чем более узкое исследование конкретного случая [Ferguson 2006].

Стремление не допустить схожести с империализмом с учетом постколониального сознания антропологов. Как пишет Смарт [Smart 2010], антропологи, работающие за пределами своего географического или национального региона, часто подвергают себя самоцензуре, опасаясь, что их будут считать миссионерами или колониалистами, и поэтому не желают критиковать какие-либо общества или правительства, кроме собственных. Учитывая исторический сговор между антропологией и колониализмом, важно воздерживаться от колониальной критики других стран. Действительно, даже прогрессивный дискурс прав человека имеет некоторое сходство с «цивилизационным процессом» как проектом прежних колониальных держав по улучшению «культуры» своих бывших колоний. Упор антропологии на локальное знание и локальную агентность противоречит стремлению критиковать институты постколониальных обществ.

Институциональное давление, связанное с защитами диссертаций, академическими должностями и доступом к финансированию. В этой ситуации выбор между текстами, более доступными широкой аудитории, и текстами, написанными туманным теоретическим языком, осуществляется в пользу последних. Кроме того, поскольку системы продвижения по службе и распределения должностей зависят от публикационной активности, особенно в рецензируемых научных журналах, антропологи вынуждены ограничивать себя исследованиями, которые позволят им публиковаться в подобных журналах способами, удовлетворяющими их рецензентов. Поскольку публикация зависит от полевых исследований, требующих денежной поддержки, антропологи вынуждены искать внешние источники финансирования, что создает еще одно ограничение для полевой работы. Некоторые фонды выраженно предпочитают нейтральные, наукообразные исследования работам с более явной активистской повесткой. Ряд государственных и частных фондов требует соблюдения секретности при использовании полученных данных или форм отчетности, что может негативно сказаться на сообществах, в которых работают антропологи, и нарушить этические стандарты антропологических исследований. Подобные виды исследований особенно распространены в зонах вооруженных конфликтов. В условиях военных действий или террористической угрозы финансирование может быть направлено на конкретные политические или военные цели, как в случае с «Системой гуманных территорий».

Подобным же образом правительство США не только щедро профинансировало «Систему гуманных территорий», но и намерено увеличить

инвестиции в антропологическую работу в рамках проекта «Минерва»[15]. ААА заявила, что эти средства должны распределяться через процесс академической экспертной оценки Национального научного фонда США, а не через Министерство обороны, но даже экспертная оценка не решает проблему того, что перед нами исследования со вполне конкретной военно-политической повесткой. Очевидно, что антропологическая наука, зависимая от финансирования, в определенной степени привязана к ожиданиям и целям грантового агентства. Такая же проблема стоит и перед общественными активистами, которые вынуждены не только формулировать свои проекты на языке, одобряемом грантовым агентством, но и представлять доказательства их выполнения. Поскольку этнографические исследования все больше зависят от расходов на оборону и безопасность, эти проблемы будут только усложняться.

Заключение

В нашем сборнике утверждается, что у вовлеченной антропологии множество ипостасей, от эмоциональной поддержки в ходе полевых исследований до активной деятельности по продвижению прав человека для уязвимых групп населения. В американской социокультурной антропологии вовлеченная антропология получила широкое распространение, а материалы Хоуэлл, Смарта и Спенсера указывают на то, что подобные вопросы также важны для норвежской, канадской и британской антропологии. Это вряд ли можно считать новацией; как показывает исторический раздел сборника, у антропологии долгая история обращения к социальным проблемам и социальной критики структур, подавляющих как отдельных людей, так и группы. Вовлеченность трансформирует способы полевой работы антропологов, их сотрудничества с другими учеными и с теми, кого они изучают, а также их взгляды на общественность и на научную аудиторию.

Наша цель здесь заключалась в том, чтобы оценить состояние поля вовлеченной антропологии и увеличить диапазон ее охвата. Мы хотели расширить круг того, что мы считаем вовлеченностью, показав, насколько обширно она представлена в антропологической науке. Во вступлении и статьях предпринята попытка проиллюстрировать объем и богатство этого понятия с помощью развернутого, более инклюзивного перечня форм вовлеченности, от базовых обязательств перед нашими информантами и предоставления ресурсов и поддержки тем сообществам, с которыми мы работаем, до преподавания и публичного образования, социальной критики на научных и общественных площадках и более широко понимаемых форм вовлеченности, таких как совместная работа, правовая защита и активизм. Статьи раскрывают

[15] Под «проектом “Минерва”» здесь понимается инициатива главы Пентагона Роберта Гейтса в 2008 году, предполагающая создание своеобразного альянса университетов и Министерства обороны США для борьбы с угрозами безопасности, исходящими от Китая, ислама и различных террористических организаций. Фактически, проект «Минерва» является продолжением «Системы гуманных территорий», вовлекающей профессиональных антропологов в операции Вооруженных Сил США. *Прим. пер.*

этот широкий спектр форм вовлеченности, начиная с опасений по поводу тактичности и этнографической критики и заканчивая прямой правозащитной деятельностью на благо подчиненных сообществ.

Также нам интересно было подчеркнуть внутреннее напряжение и неопределенность, присущие этому проекту. Например, статьи демонстрируют, что вовлеченность ставит дилеммы этнографических исследований и их описаний как перед антропологами-практиками, так и перед университетскими антропологами. Многие из этих дилемм существуют в соответствующей области уже давно — например, этика вмешательства в исследуемую ситуацию, уместность критики с учетом позиции антрополога как члена сообщества или чужака, а также риски работы с влиятельными правительственными и военными организациями.

Статьи в этом специальном выпуске демонстрируют большой энтузиазм по поводу различных видов вовлеченной антропологии наряду с продолжающейся неопределенностью в отношении вовлеченности и сохраняющимся набором препятствий и форм замалчивания, с которыми сталкиваются те, кто стремится развивать живую, вовлеченную антропологию. Наконец, в статьях говорится не только об амбивалентности, но и о различного рода барьерах, в том числе организационных, на пути к вовлеченной работе. К этим преградам относятся институциональные аспекты университетов и мира практики, такие как неспособность говорить или писать о политической повестке дня; расчет на то, что работа будет научной; антропологический акцент на конкретной специфике и контексте; избегание империалистической позиции и проблемы с карьерным ростом, присуждением научных должностей и признанием. Тем не менее, несмотря на все эти трудности, вовлеченная антропология жива и развивается самыми разными путями, и мы всячески поддерживаем и одобряем это развитие как неотъемлемую часть динамичного и интегрированного будущего, которое ожидает антропологию.

Литература/References

Ali, K. A. (2010). Voicing difference: Gender and civic engagement among Karachi's poor. *Current Anthropology*, *51*(S2), S313–S320.

Basch, L. G., Saunders, L. W., Sharff, J. W., Peacock, J. (Eds.). (1999). *Transforming academia: Challenges and opportunities for an engaged anthropology*. Arlington: American Anthropological Association.

Bennett, J. W. (1996). Applied and action anthropology: Ideological and conceptual aspects. *Current Anthropology*, *37*(S1), S23–53.

Berreman, G. D. (1968). Is anthropology alive? Social responsibility in social anthropology. *Current Anthropology*, *9*(5), 391–396.

Besteman, C., Gusterson, H. (Eds.). (2005). *Why America's top pundits are wrong: Anthropologists talk back*. Berkeley: University of California Press.

Biehl, J. (2005). *Vita: Life in a zone of social abandonment*. Berkeley: University of California Press.

Biehl, J. (2007). *Will to live: AIDS therapies and the politics of survival*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Briggs, C. (2004). Theorizing modernity conspiratorially: Science, scale, and the political economy of public discourse in explanations of a cholera epidemic. *American Ethnologist*, *31*(2), 164–187.

Briggs, C., Mantini-Briggs, C. (2000). "Bad mothers" and the threat to civil society: Race, cultural reasoning and the institutionalization of social inequality in a Venezuelan infanticide trial. *Law and Social Inquiry*, *25*(2), 299–354.

Burawoy, M. (2005). For public sociology. *American Sociological Review*, *70*(1), 4–28.

Caulfield, M. D. (1969). Culture and imperialism: Proposing a new dialectic. In D. Hymes (Ed.). *Reinventing anthropology*, 182–212. New York: Random House.

Checker, M. (2009). Anthropology in the public sphere, 2008: Emerging trends and significant impacts. *American Anthropologist*, *111*(2), 162–170.

Chomsky, N. (Ed.). (1997). *The Cold War and the university: Toward an intellectual history of the postwar years*. New York: New Press.

Chrisman, N. J. (2005). Community building for health. In S. Hyland (Ed.). *Community building in the twenty-first century*, 167–191. Santa Fe: School of American Research.

Clarke, K. M. (2009). *Fictions of justice*. Cambridge: Cambridge University Press.

Clarke, K. M. (2010). Toward a critically engaged ethnographic practice. *Current Anthropology*, *51*(S2), S301–S312.

Colwell-Chanthaphonh, Ch., Ferguson, T. J. (2006a). Memory pieces and footprints: Multivocality and the meanings of ancient times and ancestral places among the Zuni and Hopi. *American Anthropologist*, *108*(1), 148–162.

Colwell-Chanthaphonh, Ch., Ferguson, T. J. (2006b). Trust and archaeological practice: Towards a framework of virtue ethics. In C. Scarre, G. Scarre (Eds.). *The ethics of archaeology: Philosophical perspectives on archaeological practice*, 115–130. New York, Cambridge University Press.

Colwell-Chanthaphonh, C., Ferguson, T. J. (Eds.). (2008). *Collaboration in archaeological practice: Engaging descendant communities*. Lanham, MD: AltaMira.

Cowan, J., Dembour, M., Wilson, R. (Eds.). (2001). *Culture and rights: Anthropological perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.

Das, V. (2007). *Life and words: Violence and the descent into the ordinary*. Berkeley: University of California Press.

Das, V., Kleinman, A., Lock, V., Ramphele, V., Reynolds, P. (Eds.). (2001). *Remaking a world: Violence, social suffering, and recovery*. Berkeley: University of California Press.

Doughty, P. (1987). Vicos: Success, rejection, and rediscovery of a classic program. In E. Eddy, W. Partridge (Eds.). *Applied anthropology in America*, 438–469. New York: Columbia University Press.

Eriksen, T. H. (2006). *Engaging anthropology: The case for a public presence*. Oxford: Berg.

Farmer, P. (2003). *Pathologies of power: Health, human rights, and the new war on the poor*. Berkeley: University of California Press.

Farmer, P. (2004). An anthropology of structural violence. *Current Anthropology, 45*(3), 305–317.

Farmer, P. (2005). The banality of agency: Bridging personal narrative and political economy. In B. Rylko-Bauer (Ed.). *Bringing the past into the present: Family narratives of holocaust, exile, and diaspora. Special issue, Anthropological Quarterly 78*(1), 125–135.

Ferguson, J. (1994). *The anti-politics machine: "Development", depoliticization, and bureaucratic power in Lesotho*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Ferguson, J. (2006). *Global shadows: Africa in the neoliberal world order*. Durham: Duke University Press.

Ferguson, T. J., Colwell-Chanthaphonh, C. (2006). *History is in the land: Multivocaltribal traditions in Arizona's San Pedro Valley*. Tucson: University of Arizona Press.

Fiske, S. J. (2009). Global change policymaking from inside the beltway: Engaging anthropology. In S. A. Crate, M. Nuttall (Eds.). *Anthropology and climate change: from encounters to actions*, 277–291. Walnut Creek, CA: Left Coast.

Forman, S. (1993). *Diagnosing America: Anthropology and public engagement*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Fosher, K. B. (2009). *Under construction: Making homeland security at the local level*. Chicago: University of Chicago Press.

Gal, S., Kligman, G. (2000). *The politics of gender after socialism*. Princeton: Princeton University Press.

Gluckman, M. (2002) [1958]. "The bridge": Analysis of a social situation in Zululand. In J. Vincent (Ed.). *The anthropology of politics: A reader in ethnography, theory, and critique*, 476. Malden, MA: Blackwell.

González, N. (2010). Advocacy anthropology and education: Working through the binaries. *Current Anthropology*, *51*(S2), S249–S258.

González, R. J. (2004). *Anthropologists in the public sphere: Speaking out on war, peace, and American power*. Austin: University of Texas Press.

González, R. J. (2009). *American counterinsurgency: Human science and the human terrain*. Chicago: Prickly Paradigm.

Goodale, M. (2006a). Introduction: Anthropology and human rights in a new key. *American Anthropologist, 2006*(108), 1–8.

Goodale, M. (2006b). Toward a critical anthropology of human rights. *Current Anthropology, 47*(3), 485–511.

Goodale, M. (2008). *Dilemmas of modernity: Bolivian encounters with law and liberalism*. Stanford: Stanford University Press.

Goodale, M. (2009). *Surrendering to utopia: An Anthropology of human rights*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Gough, K. (1968). New proposals for anthropologists. *Current Anthropology*, *9*(5), 403–435.

Gusterson, H. (1996). *Nuclear rites: A weapons laboratory at the end of the Cold War*. Berkeley: University of California Press.

Gusterson, H. (2004). *People of the bomb: Portraits of America's nuclear complex*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Gusterson, H., Besteman, C. (Eds.). (2010). *The insecure American: How we got here and what we should do about it*. Berkeley: University of California Press.

Hale, C. (2006). Activist research vs. cultural critique: Indigenous land rights and the contradictions of politically engaged anthropology. *Cultural Anthropology*, *21*(S1), 96–120.

Herskovits, M. J. (1928). *The American Negro: A study in race crossing*. New York: Knopf.

Herzfeld, M. (2010). Engagement, gentrification, and the neoliberal hijacking of history. *Current Anthropology*, *51*(S2), S259–S267.

Hill, C. (2000). Strategic issues for rebuilding a theory and practice synthesis. In C. E. Hill, M. L. Baba (Eds.). *The unity of the theory and practice in anthropology*, 1–16. Washington: American Anthropological Association.

Hinton, A. L. (2002a). *Annihilating difference: The anthropology of genocide*. Berkeley: University of California Press.

Hinton, A. L. (2002b). *Genocide: An anthropological reader*. New York: Blackwell.

Hinton, A. L., Lifton, R. J. (2004). *Why did they kill? Cambodia in the shadow of genocide.* Berkeley: University of California Press.

Hinton, A. L., O'Neill, K. L. (Eds.). (2009). *Genocide: Truth, memory, and representation*. Durham: Duke University Press.

Howell, S. (2010). Norwegian academic anthropologists in public spaces. *Current Anthropology*, *51*(S2), S269–S277.

Huggins, M. K., Glebbeek, M.-L. (2009). *Women fielding danger: Negotiating ethnographic identities in field research*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.

Hymes, D. (Ed.). (1969). *Reinventing anthropology*. New York: Random House.

Jackson, J. L. (2010). On ethnographic sincerity. *Current Anthropology*, *51*(S2), S279–S287.

Johnston, B. R. (2001a). Anthropology and environmental justice: Analysts, advocates, mediators and troublemakers. In C. Crumley (Ed.). *New directions in anthropology and the environment*, 132–149. Walnut Creek, CA: AltaMira.

Johnston, B. R. (2001b). Considering the power and potential of the anthropology of trouble. In E. Messer, M. Lambeck (Ed.). *Ecology and the sacred: Engaging the anthropology of Roy A. Rappaport*, 102. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Johnston, B. R. (2006). Power, praxis and the social work of anthropology. *Applied Anthropologist*, *26*(2), 97–105.

Johnston, B. R. (2010). Social responsibility and the anthropological citizen. *Current Anthropology*, *51*(S2), S235–S247.

Jones, D. (1968). The multivillage community: Village segmentation and coalescence in Northern Thailand. *Behavior Science Notes [Cross-Cultural Research]*, *3*(3), 149–174.

Kemper, R. V., Royce, A. (Ed.). (2002). *Chronicling cultures: Long-term field research in anthropology*. Walnut Creek, CA: AltaMira.

Khagram, S. (2002). Restructuring the global politics of development: The case of India's Narmada Valley Dams. In S. Khagram, J. Riker, K. Sikkink (Eds.). *Restructuring world politics: Transnational social movements, networks, and norms*, 206–231. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Kirsch, S. (2002). Anthropology and advocacy: A case study of the campaign against the Ok Tedi mine. *Critique of Anthropology*, *22*(2), 175–200.

Lamphere, L. (2004). The convergence of applied, practicing and public anthropology in the 21st century. *Human Organization*, *63*(4), 431–443.

Lassiter, L. E. (2005). Collaborative ethnography and public anthropology. *Current Anthropology*, *46*(1), 83–106.

Levitt, P., Merry, S. E. (2009). Vernacularization on the ground: Local uses of global women's rights in Peru, China, India and the United States. *Global Networks*, *9*(4), 441–461.

Low, S. (2002). Anthropological-ethnographic methods for the assessment of cultural values in heritage conservation. In M. de la Torre (Ed.). *Assessing the values of cultural heritage*, 31–50. Los Angeles: Getty Conservation Institute.

Low, S. (2003). *Behind the gates: Life, security and the pursuit of happiness in fortress America*. New York: Routledge.

Low, S. (2004). Social sustainability: People, history, values. In J. Teutonico (Ed.). *Managing change: Sustainable approaches to the conservation of the built environment*, 16–42. Los Angeles: Getty Conservation Institute.

Low, S. (2006). The erosion of public space and the public realm: Paranoia, surveillance and privatization in New York City. *City and Society*, *18*(1), 43–49.

Low, S. (2008). Social sustainability. In G. J. Fairclough, R. Harrison, J. Jameson, J. Schofield (Eds.). *The heritage reader*, 392–404. New York: Routledge.

Low, S. (2010). Psychological, cultural and political theories of changing social relations in private housing schemes: Integrating anthropological, psychological and political levels of theory and analysis. *GeoJournal, 77*(2), 185–201.

Low, S., Taplin, D., Scheld, S. (2005). *Rethinking urban parks: Public space and cultural diversity*. Austin: University of Texas Press.

Lutkehaus, N. C. (2008). *Margaret Mead: The making of an American icon*. Princeton: Princeton University Press.

Lutz, C. (2001). *Homefront: A military city and the American 20th century*. Boston: Beacon.

Lutz, C. (2002). Making war at home in the United States: Militarization and the current crisis. *American Anthropologist*, *104*(3), 723–735.

Lutz, C. (2006). Empire is in the details. *American Ethnologist*, *33*(4), 593–611.

Lutz, C. (Ed.). (2008). *The bases of empire: The global struggle against U.S. military posts*. London: Pluto.

Mattei, U., Nader, L. (2008). *Plunder: When the rule of law is illegal*. Malden, MA: Blackwell.

Mead, M. (1942). *And keep your power dry: An anthropologist looks at America*. New York: Morrow.

Merry, S. E. (2001). Changing rights, changing culture. In J. Cowan, M. B. Dembour, R. Wilson (Eds). *Culture and rights: Anthropological perspectives*, 31–56. London: Cambridge University Press.

Merry, S. E. (2006). *Human rights and gender violence*. Chicago: University of Chicago Press.

Merry, S. E. (2008). *Gender violence: A cultural perspective*. New York: Blackwell.

Mullings, L. (2005). Resistance and resilience: The Sojourner Syndrome and the social context of reproduction in central Harlem. *Transforming Anthropology*, *13*(2), 79–91.

Mullings, L., Wali, A., McLean, D., Mitchell, J., Prince, S., Thomas, D., Tovar, P. (2001). Qualitative methodologies and community participation in examining reproductive experiences: The Harlem Birth Right Project. *Maternal and Child Health Journal*, *5*(2), 85–93.

Nader, L. (1972). Up the anthropologist: Perspectives gained from studying up. In D. Hymes (Ed.). *Reinventing anthropology*, 284–311. New York: Pantheon.

Nader, L. (1997). The phantom factor: Impact of the Cold War on anthropology. In N. Chomsky (Ed.). *The Cold War and the university: Toward an intellectual history of the postwar years*, 107–146. New York: New Press.

Nash, J. C. (2007). *Practicing ethnography in a globalizing world: An anthropological odyssey*. Lanham, MD: AltaMira.

Nelson, D. M. (2009). *Reckoning: The ends of war in Guatemala*. Durham: Duke University Press.

Patterson, T. (2001, February 27). *Toward a socially engaged, integrated, critical anthropology*. Keynote address at James Young Colloquium, University of California, Riverside.

Peacock, J. (1997). The future of anthropology. *American Anthropologist*, *99*(1), 9–29.

Pierpont, C. R. (2004, March 8). The measure of America. *New Yorker*. Retrieved from https://www.newyorker.com/magazine/2004/03/08/the-measure-of-america

Price, D. (2004). *Threatening anthropology: McCarthyism and the FBI's surveillance of activist anthropologists*. Durham: Duke University Press.

Price, D. (2008). *Anthropological intelligence: The deployment and neglect of American anthropology in the Second World War*. Durham: Duke University Press.

Rappaport, R. (1993). Distinguished lecture in general anthropology: The anthropology of trouble. *American Anthropologist*, *95*, 295–303.

Roseberry, W. (2002). Political economy in the United States. In Lem, W., Leach, B. (Eds.). *Culture/economy/power: Anthropology as critique/anthropology as praxis*, 59–72. Albany: State University of New York Press.

Rylko-Bauer, B., Singer, M., van Willigen, J. (2006). Reclaiming applied anthropology: Its past, present, and future. *American Anthropologist*, *108*(1), 178–190.

Sanday, P. (Ed.). (1976). *Anthropology and the public interest: Fieldwork and theory*. New York: Academic Press.

Sanford, V. (2004). *Buried secrets: Truth and human rights in Guatemala*. New York: Palgrave Macmillan.

Sanford, V., Angel-Ajani, A. (Eds.). (2006). *Engaged observer: Anthropology, advocacy, and activism*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Sanjek, R. (2004). Going public: Responsibility and strategies in the aftermath of ethnography. *Human Organization*, *63*(4), 444–456.

Schensul, J. J., Schensul, S. L. (1978). Advocacy and applied anthropology. In G. Weber, G. J. McCall (Eds.). *Social scientists as advocates: Views from the applied disciplines*, 121–164. Beverly Hills, CA: Sage.

Schensul, J. J., Schensul, S. L. (1992). Collaborative research: Methods of inquiry for social change. In M. D. LeCompte, W. L. Millroy, J. Preissle (Eds.). *Handbook of qualitative research in education*, 161–200. San Diego, CA: Academic Press.

Scheper-Hughes, N. (1992). *Death without weeping: The violence of everyday life in Brazil*. Berkeley: University of California Press.

Scheper-Hughes, N. (1995). The primacy of the ethical: Propositions for a militant anthropology. *Current Anthropology*, *36*(3), 409–420.

Scheper-Hughes, N., Bourgois, P. (Eds.). (2004). *Violence in war and peace: An anthology*. Malden, MA: Blackwell.

Silverman, S. (2007). American anthropology in the middle decades: A view from Hollywood. *American Anthropologist*, *109*(3), 519–528.

Singer, M. (1990). Another perspective on advocacy. *Current Anthropology*, *31*(5), 548–549.

Singer, M. (2000). Why I am not a public anthropologist. *Anthropology Newsletter*, *11*(2), 12–13.

Smart, A. (2010). Tactful criticism in Hong Kong: The colonial past and engaging with the present. *Current Anthropology*, *51*(S2), S321–S330.

Smith, G. (1999). *Confronting the present: Towards a politically engaged anthropology*. Oxford: Berg.

Speed, S. (2006). At the crossroads of human rights and anthropology: Toward a critically engaged activist research. *American Anthropologist*, *108*(1), 66–76.

Spencer, J. (2010). The perils of engagement: A space for anthropology in the age of security? *Current Anthropology*, *51*(S2), S289–S299.

Starn, O. (1995). To revolt against the revolution: War and resistance in Peru's Andes. *Cultural Anthropology*, *10*(4), 547–580.

Stull, D. D., Schensul, J. J. (1987). *Collaborative research and social change: Applied anthropology in action*. Boulder: Westview.

Susser, I. (2009). *AIDS, sex, and culture: Global politics and survival in Southern Africa*. New York: Blackwell.

Susser, I. (2010). The anthropologist as social critic: Working toward a more engaged anthropology. *Current Anthropology*, *51*(S2), S227–S233.

Sutton, C. (Ed.). (1993). *From Labrador to Samoa: The theory and practice of Eleanor Burke Leacock*. Arlington: American Anthropological Association for the Association of Feminist Anthropology, International Women's Anthropology Caucus.

Tate, W. (2007). *Counting the dead: The culture and politics of human rights activism in Colombia*. Berkeley: University of California Press.

Textor, R. (2005). *Margaret Mead: The world ahead: An anthropologist anticipates the future*. New York: Berghahn.

Tsing, A. (2005). *Friction: An ethnography of global connection*. Princeton: Princeton University Press.

van Willigen, J. (2002). *Applied anthropology: An introduction*. 3rd edition. Westport: Bergin & Garvey.

Vincent, J. (1994). *Anthropology and politics: Visions, traditions, and trends*. Tucson: University of Arizona Press.

Warren, K. B. (2006). Perils and promises of engaged anthropology: Historical transitions and ethnographic dilemmas. In V. Sanford, A. Angel-Ajani (Eds.). *Engaged observer: Anthropology, advocacy and activism*, 213–227. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Wax, M. (1978). Once and future Merlins: The applied anthropologists of Camelot. *Human Organization, 37*(4), 400–408.

Wax, R. H. (1971). *Doing fieldwork: Warnings and advice*. Chicago: University of Chicago Press.

Weidman, D. (1976). The individual and innovation in the process of sociocultural adaptation to frontier situations. *Papers in Anthropology, 1976*(17), 107–116.

Whiteford, L. M. (2009). Approaches to policy and advocacy. In J. Coreil (Ed.). *Social and behavioral foundations of public health*, 311–324. Thousand Oaks, CA: Sage.

Whiteford, L. M., Tobin, G. A. (2007). Potable water as the key to survival and community recovery: Disaster planning and practice. In S. Wang, G. Tang, J. Zhang, W. Song, J. Ammann, C. Kux (Eds.). *Strategy and implementation of integrated risk management*, 227–453. Proceedings of the International Disaster Reduction Conference. Harbin: Quyan.

Wilson, R. A., Merry, S. E. (2001). *The politics of truth and reconciliation in South Africa: Legitimizing the post-apartheid state*. Cambridge: Cambridge University Press.